

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

СРАВНИВАЯ МЕДИАСИСТЕМЫ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ. ЧТО МЫ УЗНАЛИ?¹

Халлин Д. К.

Ph.D., профессор Калифорнийского университета в Сан-Диего

(Сан-Диего, США)

dhallin@ucsd.edu

Манчини П.

Ph.D., профессор Университета Перуджи

(Перуджа, Италия)

paolo.mancini@unipg.it

Аннотация:

В этой статье мы проводим обзор исследований, опубликованных после выхода в свет книги «Сравнивая медиасистемы» (Comparing Media Systems²), целью которых являлось либо практическое применение концепций, обсуждаемых в этой работе, а также тестирование представленной там структуры, либо предложение альтернативных вариантов этих концепций или их пересмотр. Основное внимание мы уделяем научным работам, относящимся к тем восемнадцати кейсам, о которых шла речь в «Сравнивая медиасистемы», учитываем достижения в разработке количественных показателей по этим кейсам для ключевых переменных, анализируем исследования, проверяющие, как классифицируются случаи в «Сравнивая медиасистемы», исследования, в которых сравнительный анализ западных медиасистем распространяется на новые медиа, и исследования, посвященные постепенному переходу к либеральной модели. В заключительном разделе мы сконцентрируемся на ограничениях исследований, проводившихся в течение 10 лет после публикации книги «Сравнивая медиасистемы», в частности, сделаем акцент на количественной операционализации и на некоторых трудностях в использовании количественного анализа для изучения сложных динамических систем.

Ключевые слова: сравнительный анализ, конвергенция, медиасистемы, качественный сравнительный анализ (QCA)

¹ Перевод выполнен по изданию: Hallin, D. C., Mancini, P. (2017) Ten Years After Comparing Media Systems: What Have We Learned? Political Communication, 34(2), 155-171.

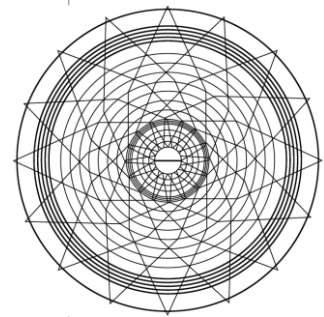
<https://doi.org/10.1080/10584609.2016.1233158> **Переводчик:** Паршакова А. В., **научный редактор перевода:** Давыдов С. Г.

² Hallin, D. C., Mancini, P. (2004). Comparing media systems: Three models of media and politics. Cambridge University Press.

[Научные статьи]

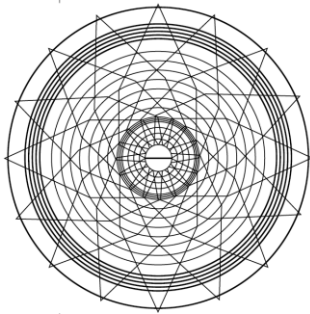
Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

В заключении к «Сравнивая медиасистемы» мы писали: «Представленный здесь анализ является в значительной степени предварительным, пробным... Надеемся, другие ученые разовьют многие из предложенных здесь идей. И, несомненно, когда они это сделают, не все из наших утверждений окажутся правильными или достаточно проработанными» (Hallin & Mancini 2004, p. 302). С момента публикации «Сравнивая медиасистемы» прошло более 10 лет, и за это время многие ученые действительно развили предложенные нами идеи. В многочисленных исследованиях предпринимались попытки операционализировать, проверить, уточнить, изменить и прояснить наши концепции и гипотезы. Другие ученые двигались параллельно с нашим анализом, ссылаясь на него, но поднимая другие вопросы. Объем исследований, существующих сегодня, а также во многих отношениях и их качество, значительно выше, чем в то время, когда была написана наша книга.

В этой статье мы оцениваем, какими знаниями обогатили данную сферу исследования последних десяти лет, сосредоточив внимание на работах, которые были нацелены на проверку или уточнение анализа, предложенного в «Сравнивая медиасистемы». За эти годы появился ряд статей, в которых разбирается наш подход, многие из которых мы уже рассматривали (Hallin & Mancini, 2012). Здесь же мы сосредоточимся главным образом на эмпирических исследованиях и прокомментируем способы использования и операционализации нашей концептуальной схемы, элементы этой схемы, которые, по нашему мнению, получили подтверждение или были поставлены под сомнение, а также предлагаемые модификации или альтернативы. Во многих из упомянутых здесь работ предпринимались попытки применить концептуальную схему «Сравнивая медиасистемы» в реализации количественного исследования. Одна из основных наших целей – оценить эти усилия, их вклад в сравнительный анализ, а также связанные с ними ограничения. За последние 10 лет по данной теме опубликовано столько трудов, что охватить их все не представляется возможным. Мы постарались рассмотреть максимально возможное для короткой журнальной статьи число исследований, тесно связанных со сравнением медиасистем. Меньше внимания мы уделили другим важным работам (значимыми примерами могут служить Albaek, van Dalen, Jebriil, & de Vreese, 2014 или de Vreese, Esser, & Norman, 2016), которые ссылаются на «Сравнивая медиасистемы», но не пытаются проверить или применить предложенную нами концептуальную схему, а рассматривают различные наборы связей. Кроме того, мы делаем особый акцент на исследовании исходных восемнадцати «западных» медиасистем, включенных в наш анализ. В других работах рассматривался вопрос о том, как охватить более широкий круг систем (особенно примечательны в этом отношении Chakravartty and Roy, 2013; Guerrero, 2014; de Albuquerque, 2013; Rantanen, 2013; Voltmer, 2013; Hallin and Mancini, 2012b), однако они связаны с концептуальными и методологическими вопросами, которые мы не будем пытаться затрагивать в рамках данной статьи.

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

Использование концептуальной схемы книги «Сравнивая медиасистемы»

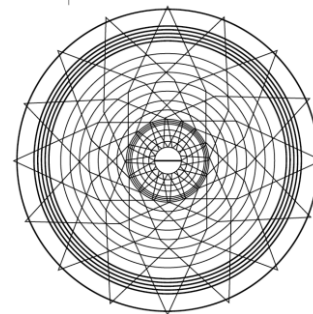
Все ученые, ссылавшиеся на нашу книгу, делали это, преследуя различные цели. Эти цели делятся на четыре категории, которые необходимо разграничить с самого начала. Первая категория целей — это *разработка теории*. Во многих исследованиях теоретические рамки книги «Сравнивая медиасистемы» подвергаются тщательному изучению, что сопровождается пересмотром основных понятий, выделением концепций, не включенных в наш анализ, или выдвиганием альтернативных интерпретаций связей, в отношении которых мы высказывали определенные гипотезы. Так, например, Роллан (Rolland, 2008) рассматривает вопрос о том, приближаются ли медиасистемы к либеральной модели (это весьма популярный предмет исследований, к которому мы еще вернемся). Он утверждает, что в Норвегии государство сопротивляется стремлению СМИ оказывать все большее влияние на политическую систему, значительно повышая свою роль регулятора. По мнению Роллана, мы в своем анализе роли государства в странах с корпоративной демократией недооцениваем то, насколько активные действия предпринимают государственные органы для сохранения своей власти как института, и как следствие в регулировании медиа в скандинавских странах стал преобладать не технический, а политический императив. Другим примером может служить исследование Дауни, Михель и Кёнига (Downey, Mihelj, and König, 2012), которые разрабатывают типологию публичных сфер на основе нормативной теории, а затем выясняют, как она связана с эмпирическими изменениями в медиасистемах, включая наши три типа. Хамфрис (Humphreys, 2012) предлагает ряд переменных, которые, по его мнению, не учитываются в нашем анализе, включая федерализм и размер медиарынков.

Другой (возможно, самой незамысловатой и распространенной) целью использования нашей работы является отбор кейсов. Сегодня среди ученых, специализирующихся на странах Европы, принято определять рассматриваемые кейсы как «имеющие принадлежность» к одной или нескольким из наших трех моделей. Это делается с различными целями: иногда просто для того, чтобы соотнести кейс с другими подобными ему; иногда для того, чтобы показать, что выборка в некотором смысле «репрезентативна»; иногда для проверки или исследования гипотез о влиянии контекста, задаваемого медиасистемой, на определенные переменные – чтобы выяснить, можно ли на основе нашей типологии спрогнозировать значение медиасистемы для какой-либо переменной. В этих последних случаях использование нашей схемы обычно выходит за рамки выбора кейса для разработки гипотезы. Многие исследования содержат ценные данные о том, как различаются (или не различаются) кластеры анализа кейсов по целому ряду переменных, не включенных в наш анализ (Albaek et al., 2014; Woczkowski, Mitchelstein, & Walter, 2011; Goldman & Mutz, 2011). То, что принадлежность к одному из наших типов используется для идентификации кейсов, показывает насколько значим контекст на системном уровне для

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

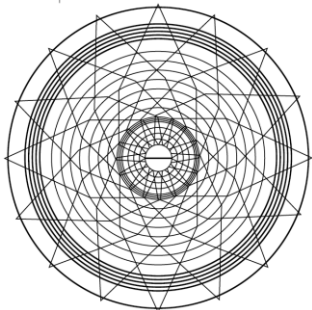

медиаисследований. Однако, во многих рукописях, которые мы вычитываем для различных журналов, мы видим, что авторы делают это довольно небрежно, не задумываясь особо ни над тщательным сопоставлением конкретного кейса с нашими моделями (поскольку многие кейсы не полностью совпадают с «идеальными типами»), ни над тем, действительно ли какие-то элементы рассматриваемого типа связаны с вопросами исследования, и если да, то какие именно.

Количественная операционализация

Третья категория – это исследования, направленные на операционализацию (чаще всего количественную) конкретных переменных или критериев, используемых в «Сравнивая медиасистемы». Наш анализ, как мы уже признали, был слабо подтвержден количественными данными. В отличие от некоторых других областей сравнительного анализа (прежде всего поведения при голосовании и партийных систем) сопоставимых количественных данных, доступных для использования в этом виде комплексного сравнительного анализа, было явно недостаточно. Мы использовали то немногое, что смогли найти, но, по большей части, наша теория построена на основе исследований, посвященных отдельным странам, и в основном качественного характера. Разработку количественных показателей, которые можно было бы использовать при сравнительном анализе наших кейсов, мы предоставили будущим ученым. Некоторые оценивали такую возможность весьма скептически. Норрис (Norris, 2009) подчеркивала важность разработки количественных показателей для ключевых понятий, но сомневалась, что многие из наших переменных на самом деле измеримы. Мы думаем, что она права в отношении проблем, связанных с количественной оценкой многих понятий, которые мы используем, и к этому утверждению мы еще вернемся. Однако недавние исследования показывают, что в данном направлении можно сделать немало.

Большая часть исследований была посвящена практической реализации концепции политического параллелизма. Норрис (Norris, 2009, p. 335) предупреждала, что это будет "масштабная задача", но в последние годы ее решением очень успешно занимались многие ученые. Политический параллелизм понимается как проявление четырех основных типов явлений, к числу которых относятся структурные связи между медиа и политическими организациями, политическая принадлежность журналистов, владельцев и руководителей медиа, медиаконтент и модели потребления новостей. Рональд ван Кемпен (van Kempen, 2007) использовал данные опроса, проведенного в рамках исследования европейских выборов 1999 года, чтобы оценить, насколько взаимосвязаны партийные предпочтения и потребительские привычки избирателей в отношении медиа. Он продемонстрировал важные модели различий между системами и обнаружил, что параллелизм медиа и политики способен повышать явку избирателей. Альбек и его коллеги (Albaek et al., 2014) используют как контентные показатели, так и показатели, основанные на опросах

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

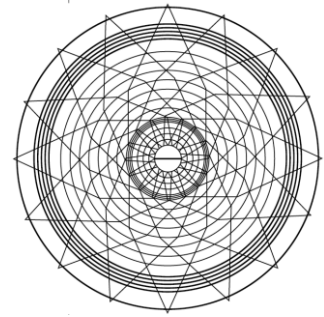
журналистов, включая параметры, которые позволяют оценить представления о роли журналистов и то, как сами журналисты воспринимают влияние политического давления на их работу. Показатели, основанные на анализе содержания, также используют Эссер и Умбрихт (Esser and Umbricht, 2013) и Дауни с коллегами (Downey et al., 2012): первые – в виде индекса объективности в журналистском стиле, а вторые – в виде индексов внутреннего плюрализма и поляризации. Попеску с коллегами (Popescu et al., 2011) на основе экспертных опросов разработали показатели политической ангажированности средств массовой информации. Стрёмбек и Луэнго (Strömbäck and Luengo, 2008) в сравнительном исследовании новостей о выборах в Швеции и Испании обнаружили, что в Испании в большей степени, чем в Швеции, стимулом и основной темой при освещении политических событий является деятельность политических партий, что подтверждает наличие сильной взаимосвязи между медиа и политикой. Чиалья (Ciaglia, 2013), сравнивая Италию, Германию и Великобританию, основной акцент делает на таком интересном индикаторе политической роли журналистов, как их представленность в парламенте, и обнаруживает, что в парламенте Италии журналисты являются самой многочисленной профессиональной группой, в то время как в Британии и Германии уровень их представленности гораздо ниже. Баумгартнер и Бонафон (Baumgartner and Bonafont, 2015) отмечают высокий уровень политического параллелизма в содержании испанских новостей, который проявляется в первую очередь в том, что местные медиа склонны в негативном ключе писать о партии, к которой настроены оппозиционно, а не хвалить партию, которую поддерживают. Эти исследования в совокупности во многом подтверждают предложенную в «Сравнивая медиасистемы» широкую модель различий, в особенности высокий уровень политического параллелизма в Южной Европе и низкий – в США и Ирландии. В то же время, по свидетельству ван Кемпена (van Kempen, 2007), это предполагает наличие множества нюансов и различий между системами, которые мы считаем похожими на идеальный тип. Так, например, в Дании, уровень политического параллелизма достаточно высок, а в Финляндии – низок.

Брюггеманну с коллегами (Brüggemann et al., 2014) удалось выявить несколько индикаторов всех четырех «параметров» медиасистем, используемых в «Сравнивая медиасистемы». Они обнаружили, что три параметра демонстрируют высокую степень внутренней целостности и могут рассматриваться как обособленные критерии, а четвертый параметр – роль государства – следует рассматривать как комплексный, в котором сила общественного вещания, господдержка новостных медиа и регулирование собственности могут модифицироваться и по отдельности. Замечание о внутренней целостности очень интересно, но мы бы хотели предостеречь от слишком поспешного отнесения профессионализма журналиста, структуры медиарынков и политического параллелизма к одномерным параметрам на основе одного исследования с ограниченным числом случаев и показателей. Мы предполагаем, что при рассмотрении большего количества случаев или более длительных временных

[Научные статьи]

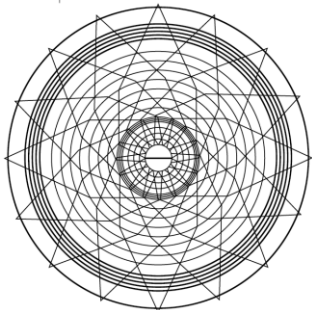
Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

периодов все четыре наших параметра проявят свою комплексную природу. Возможно, использование нами в книге «Сравнивая медиасистемы» термина «параметры» (dimensions) в некоторой степени вводит в заблуждение и чревато чрезмерно упрощенной трактовкой рассматриваемых процессов и функций. Это группы переменных, которые относятся к определенным сферам общества. Как пронизательно отмечает Вольтмер (Voltmer, 2013), можно считать, что основной упор в них делается на отношении медиасистемы к экономике (структура медиарынков), государству, партийной системе или другой системе политической конкуренции и представительства (политический параллелизм), а также на внутреннюю структуру медиасистемы (профессионализм). Теоретически нет никаких оснований ожидать, что переменные, относящиеся к любой из этих областей, будут изменяться все вместе и одновременно. Например, если речь идет о профессионализме в журналистике, мы выдвигаем три основных критерия: автономию журналистики, единый подход к этике и стандартам практической деятельности и идеологию общественного служения, – а также различные институциональные проявления, такие как влияние советов по делам прессы и профессиональных ассоциаций. Эти критерии зачастую сильно различаются, хотя либеральная модель, как правило, характеризуется высокой степенью профессионализма в отсутствие сильных советов по делам прессы или союзов журналистов (которые не включены в анализ 2014 года, проведенный Брюггеманном и его коллегами). Однако при рассмотрении более широкого спектра случаев или диапазона времени мы, вероятно, обнаружим более сложные способы параллельного изменения этих явлений. Рудакова (Roudakova, 2017), например, утверждает, что в Советском Союзе, даже при низкой автономии журналистики, идеология общественного служения была относительно сильна и что в советском контексте можно говорить об одной из форм профессионализма журналистов. Как отмечают Эссер и Умбрихт (Esser & Umbricht, 2013) и де Вриз с коллегами (de Vreese et al., 2016), даже для западных стран существуют важные различия в формах, которые принимает профессионализм журналиста – он проявляется в конкретных практиках журналистской деятельности.

Еще один подход к измерению в сравнительном анализе – метод нечетких множеств, предложенный Дауни и Стэньером (Downey and Stanyer, 2010, 2013). Данный метод, в основе которого лежат идеи Чарльза Рэгина, включает присвоение рассматриваемым случаям той или иной степени принадлежности к множествам, от полного присутствия в определенном множестве до полного отсутствия в нем, что обозначается числами от 0 до 1. При использовании метода в полном объеме эти показатели в дальнейшем используются в ходе причинно-следственного анализа, который не предполагает линейной, аддитивной статистической зависимости, а ориентирован на поиск путей, или комбинаций условий принадлежности, которые определяют конкретные результаты. Дауни и Стэньер противопоставляют метод нечетких множеств нашему подходу, который, по их мнению, требует, чтобы «переменные были четкими, присутствовали в полном объеме или отсутствовали, соответствуя 0 или 1»

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

(Downey & Stanyer, 2010, p. 333). На самом деле наш анализ предполагает использование идеальных типов, к которым только приближаются конкретные кейсы, а наши концепты имеют комплексный характер и могут проявляться по-разному в зависимости от конкретного случая. Поэтому мы считаем, что логика нечетких множеств вполне совместима с нашим подходом. Как минимум она позволяет обобщить ряд различных проявлений феномена, из которых одни легко поддаются количественной оценке, а другие – нет. Анализ нечетких множеств может быть, по выражению Дауни и Стэннера, «сугубо интерпретативным» (p. 338), но мы считаем, что интерпретативные суждения необходимы для развития социальных наук.

Проверка закономерностей

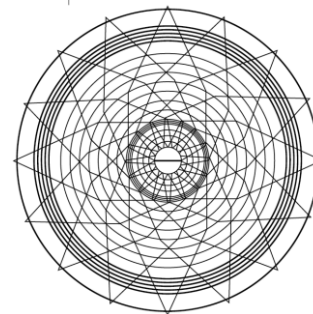
Концептуальная схема «Сравнивая медиасистемы» включает два основных элемента (если оставить в стороне переменные политико-социальной системы): набор из четырех «параметров» сравнения и типологию трех моделей, которые обобщают то, что мы считаем отличительными особенностями развития медиасистем для выбранных нами восемнадцати кейсов. Эти три модели мы рассматриваем как идеальные типы в том смысле, в каком использовал этот термин Вебер. Понятие типа включает в себя группу характеристик или, как выразился Стинчкомб (Stinchcombe, 1968, pp. 43–47), комбинацию значений различных переменных, которые мы понимаем как сосуществующие устойчиво и в соответствии с определенной закономерностью. Таким образом, при проверке аргументов, приводимых в «Сравнивая медиасистемы», одним из ключевых является вопрос о том, можно ли подтвердить, что эти закономерности действительно существуют. Многие из только что процитированных исследований предоставляют релевантные данные, обычно относящиеся к какому-то конкретному параметру. Например, они могут демонстрировать, что политический параллелизм по ряду показателей действительно чаще оказывается высоким в странах, которые, на наш взгляд, максимально близки к поляризованной плюралистической модели. Разработать механизм эмпирической проверки всей модели чрезвычайно сложно, но в этом направлении были предприняты конструктивные усилия.

Исследование конкурирующих моделей журналистики, проведенное Эссером и Умбрихт (Esser & Umbricht, 2013), нельзя воспринимать как прямую эмпирическую проверку книги «Сравнивая медиасистемы». Оно уделяет преимущественное внимание стилям политической журналистики и не включает многие характеристики медиасистемы, важные для нашего анализа. Однако это исследование чрезвычайно интересно как попытка оценить сходства и различия во многих странах, которые мы анализировали. Эссер и Умбрихт разработали контентные критерии ориентированности контента на общественное мнение: «объективности» – стиля «голых» фактов при соблюдении норм «баланса» и негатива в политической журналистике в новостных медиа шести стран. Проанализировав соответствия, эти специалисты предложили трехстороннюю

[Научные статьи]

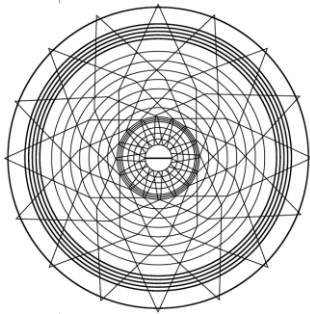
Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

схему, напоминающую видоизмененную версию наших собственных моделей. При этом в одном из углов треугольника находятся американские новостные медиа, воплощающие то, что авторы назвали стилем «рационального анализа» новостей с критическим и объективным представлением событий и противоположных точек зрения; в другом углу – итальянские новостные медиа, являющие собой образец негативистских оценок, конфликтности и самоуверенности, а в третьем – Германия и Швейцария, где журналисты ориентированы на представление как новостей, так и мнений, но по отдельности, и менее склонны к негативизму, чем итальянцы. Великобритания и Франция оказались где-то между этими полюсами. «Принимая во внимание нюансы и оговорки в типологии Халлина и Манчини, — отмечают Эссер и Умбрихт (Esser and Umbricht, 2013, p. 1004), — ... а также их комментарии о Франции и Великобритании как о смешанных случаях, мы видим повод поддержать их основные предположения и возможность дальнейшего развития».

Самая непосредственная попытка разработать механизм эмпирической проверки закономерностей, выявленных в «Сравнивая медиасистемы», – это уже упоминавшаяся статья Брюггемана и его коллег (Brüggemann et al., 2014). Опираясь на обширные международные исследования, проведенные в Европе в последние годы, они разработали или выявили эмпирические критерии для операционализации важных компонентов всех четырех параметров, предложенных нами, собрали данные по 17 из 18 кейсов (исключая Канаду), и провели кластерный анализ для выявления эмпирических закономерностей сходства и различия. Мы считаем, что это стало образцовым примером проверки предложенной нами схемы и что ее результаты заслуживают подробного обсуждения. Результаты анализа во многом совпадают с нашими – с той разницей, что страны группируются не в три кластера, а в четыре, причем с некоторыми изменениями в составе стран. Брюггеман с коллегами выделили южный кластер, который включает Испанию, Францию, Грецию и Италию и почти в точности соответствует нашей поляризованной плюралистической модели, и северный кластер, включающий скандинавские страны, которые мы считаем близкими к идеальному типу демократической корпоративистской модели. Три других кейса, которые мы обсуждали в качестве примеров этой модели, – Германия, Австрия и Швейцария – вошли в состав отдельного кластера вместе с Великобританией. Он получил название центрального. Наконец, в западный кластер по результатам анализа вошли Соединенные Штаты, Ирландия, Нидерланды, Бельгия и Португалия. Необходимость изменить перечень стран, которые мы отнесли к демократической корпоративистской модели, Брюггеманн и его коллеги объясняют главным образом различиями в роли государства. Они оценивают роль государства по трем составляющим: силе общественного вещания, господдержке новостных медиа и регулированию собственности – и утверждают, что они не подвергаются одновременным изменениям. Северные оказывают существенную господдержку новостным медиа, но слабо регулируют

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

право собственности; в центральных странах дело обстоит наоборот. Для западных стран характерна меньшая роль государства во всех трех аспектах.

В более поздней работе (Büchel et al., 2016) та же группа ученых вновь обращается к этому материалу, используя уже не кластерный метод, а метод качественного сравнительного анализа (QCA) в попытке провести более подробное исследование, ориентированное на конкретные кейсы. Это исследование повторяет результаты предыдущего во многих отношениях, включая разделение демократических корпоративистских стран на две группы, хотя некоторые пограничные кейсы действительно распределяются иначе: Австрия оказывается отнесена к группе поляризованных плюралистических стран, Бельгия и Нидерланды – к группе стран с Северной системой, которая в данной версии называется “ориентированной на новостные медиа”.

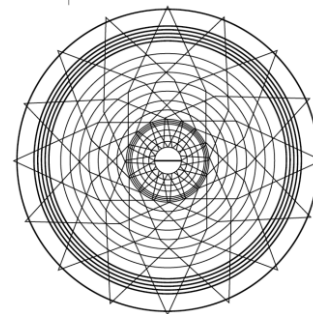
Выводы Брюггемана и его коллег представляются нам разумными и дают важные дополнения к нашим представлениям о европейских медиасистемах. Нет ничего удивительного в том, что наша демократическая корпоративистская модель подверглась пересмотру. Мы знали, что кейсы, отнесенные к этой модели, были разнообразны, и выделяли в этом ряду основную группу скандинавских стран, сравнительно близких к «идеальному» типу, и другую, более отдаленную от нее и, возможно, более разнородную группу, к которой отнесли Германию, Швейцарию, Австрию, Нидерланды, Бельгию. Одним из явных отличий стран второй группы было отсутствие господдержки новостных медиа. Другие ученые (Humphreys, 2012; Rolland, 2008) предположили, что этому разграничению следует уделить больше внимания, чем это сделали мы в своей книге, и что ему можно найти параллели в других сравнительных исследованиях, которые могут указывать на более глубинные причины различия. Например, в классификации режимов государства всеобщего благосостояния Эспинг-Андерсена (1990) те страны, которые Брюггеман и его коллеги отнесли к центральному кластеру, также отделены от стран Северной Европы.

То, что некоторые кейсы оказались отнесены к эквиваленту нашей либеральной модели, можно считать свидетельством изменений во времени. Так, например, Нидерланды переходили от корпоративизма к либерализму по мере разрушения пилларизации. В случае с Португалией анализ, проведенный Брюггеманом и его коллегами, подтверждает то, о чем нам сказали некоторые португальские ученые после публикации нашей книги: отнесение Португалии к поляризованной плюралистической модели в рамках нашего анализа было ошибочным. Португалия, безусловно, соответствовала этой модели в 1970-х годах, после революции, когда ее средства массовой информации были крайне политизированы. Однако – в отличие от соседней Испании – в последующие годы уровень политического параллелизма здесь, по-видимому, значительно снизился. Хамфрис (Humphreys, 2012) считает, что в сравнительном исследовании следует уделять больше внимания анализу изменчивости и прерывистости в развитии медиасистем, и случай с Португалией служит подтверждением его правоты. Чтобы понять, почему произошли эти изменения, важно опираться на более широкий

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

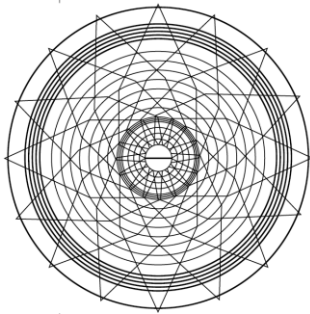
Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

круг работ сравнительного характера по португальской политике и обществу. Так, Фишман (Fishman, 2011) утверждает, что в то время, как согласованный переход Испании к демократии привел к тому, что политический процесс был преимущественно ориентирован на партийные элиты, португальская революция породила политическую культуру с гораздо более активным участием граждан. Журналисты отреагировали на появление этой культуры и стали ее частью, и относительная автономия, которой они достигли в 1970-х годах, – в то время выражавшаяся в явной ориентированности на активизм – с годами, по-видимому, привела к более высокому, чем в других странах Южной Европы, уровню профессионализма.

Мы, несомненно, считаем работу Брюггемана и его коллег выдающейся, но у нас есть и некоторые оговорки. В частности, существует один очень специфический момент. Исследователи сообщают, что «в южных странах вмешательство государства не настолько выражено, как это подразумевается в поляризованной плюралистической модели Халлина и Манчини» (Brüggemann et al., p. 1057). Однако три критерия, которые они используют для оценки роли государства, оценивают далеко не то, что мы имели в виду, когда говорили об интервенционистской роли государства в Южной Европе. Мы относим сюда причастность предприятий с участием государственного капитала к владению медиа и использование разного рода инструментов государственного давления – налоговых проверок или манипулирования возможностями регулирования вещания – для определения того, кому принадлежат медиа. Брюггеманн и его коллеги отлично справились с определением индикаторов для наших параметров, но многие из связанных с ними переменных оказались упущены. Государство также может вести контроль за работой журналистов (например, решать, какие виды судебной информации могут быть опубликованы), за избирательными кампаниями и освещением выборов, определять право на ответ и законы о разжигании ненависти, а также регулировать контент на языке страны. Мы считаем, что роль государства может быть различной с точки зрения как качественных, так и количественных показателей. Важно не только то, насколько сильно контролируется вещание или какой объем финансирования выделяется новостным медиа в рамках той или иной политической системы, но и то, как это реализуется, в том числе (что немаловажно), до какой степени партийные структуры вмешиваются в процесс. Брюггеманн и его коллеги отмечают, что не обнаружили той связи между политическим параллелизмом и вмешательством государства, которую мы предполагали. Однако для того, чтобы увидеть эту связь, нужно оценить не только меру, но и характер государственного вмешательства.

В более общем смысле нас интересует, насколько вероятно, что результаты такого анализа будут стабильными и надежными. То, что большая часть первоначальных результатов подтвердилась при использовании другого метода (QCA), безусловно, повышает степень нашей уверенности. Тем не менее даже в самом лучшем и амбициозном количественном исследовании очень сложно

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

охватить все соответствующие переменные для широкого сравнения медиасистем. Будут ли группы стран теми же при ином наборе показателей или других точках включения в наборы (в случае QCA), или при наличии других переменных (например, журналистских практик, как в работах Esser and Umbricht, 2013 или de Vreese et al., 2016), или для других кейсов? Окажутся ли отдельные кейсы отнесены к другим группам? Пока не будет проведено больше подобных исследований, делать однозначные выводы необходимо с осторожностью. Еще один вопрос общего характера связан с концептуальным статусом групп стран, полученных в результате такого анализа. Бюхель и его коллеги (Büchel et al., 2016) дают четырем «эмпирическим типам» нашей исходной статьи более содержательную интерпретацию. Однако в отсутствие более широкого обсуждения причин эволюции этих типов нам кажется, что все еще остается вопрос о том, следует ли относить эти группы к разным типам в том смысле, в каком использовали этот термин Вебер, Сартори или Эспинг-Андерсен, или просто воспринимать их как совокупность смешанных случаев.

Ошибочное, как нам кажется, толкование Брюггеманном и его коллегами нашего представления об интервенционистском государстве в Южной Европе указывает на тенденцию, которая достаточно распространена, чтобы ее отметить: в имеющихся научных работах медиасистемы стран Южной Европы оцениваются не совсем верно, возможно, в силу преобладания исследователей из Северной Европы. Например, Эссер с коллегами (Esser, de Vreese et al., 2012) в своем в целом превосходном сравнительном исследовании, посвященном обеспеченности европейского телевидения политической информацией, выдвинули гипотезу о том, что предложение будет низким в странах, которые мы отнесли к поляризованной плюралистической модели, из-за жесткого сокращения вмешательства государства и, как следствие, более слабой приверженности служб телерадиовещания идее общественного служения. Дело в том, что преобладание телевидения над печатной прессой в Южной Европе сочетается с более высоким уровнем политизации самого телевидения и, следовательно, с сильным контролем и влиянием со стороны политических организаций, использующих (или пытающихся использовать) экран в качестве основного инструмента для достижения консенсуса. Как отмечается в других недавних исследованиях и как мы писали в «Сравнивая медиасистемы» (р. 286), коммерциализация вполне может сочетаться с высоким уровнем политизации. Это предполагает, что с учетом теории нечетких множеств мы должны мыслить не категориями прямой причинно-следственной связи, а категориями множественных наборов условий, которые могут привести к высокому уровню политизации телевидения.

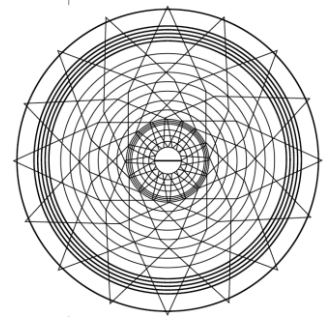
Конвергенция медиасистем

В последней главе «Сравнивая медиасистемы» мы отметили, что различия между тремя рассмотренными нами группами стран, вероятно, значительно сократились за несколько десятков лет, предшествовавших публикации нашей

[Научные статьи]

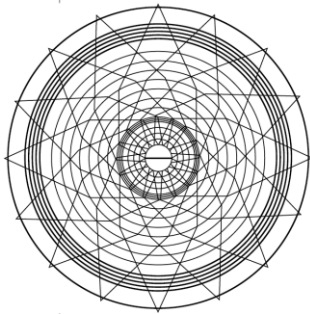
Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

книги. Продолжив обсуждение характера этих изменений, мы упомянули, что сам процесс изменений можно рассматривать как постепенный переход к либеральной модели в том смысле, что он сопровождается усилением роли коммерческих СМИ, принятием профессиональных конвенций, аналогичных конвенциям либеральных стран — информационных, политически нейтральных, театрализованных, — и сдвигами в политической коммуникации в сторону более персонализированных форм, ориентированных на маркетинг. Как мы уже отмечали в предыдущих работах (Hallin & Mancini, 2012a, 2012b), нас несколько озадачил тот факт, что эту главу часто воспринимали как подтверждение тезиса, что такой процесс будет продолжаться повсеместно и неизбежно до тех пор, пока не исчезнут все различия между медиасистемами. Если бы мы действительно занимали такую позицию, то нам вообще не было бы смысла писать книгу в том виде, в каком она вышла, с доводами, подтверждающими зависимость от пути развития, или, в более общем плане, ратовать за сравнительный анализ национальных медиасистем как центральный подход в политической коммуникации и исследованиях медиа! В последние 10 лет множество исследований было проведено именно для того, чтобы оценить, в какой степени медиасистемы действительно приблизились к либеральной модели. Эти исследования рисуют сложную картину изменений и преемственности в западных медиасистемах и ясно показывают, что значимые различия между национальными медиасистемами весьма устойчивы.

Естественно, в недавних исследованиях есть подтверждения этого перехода — зачастую в сторону либеральной модели, а иногда и к другим схемам. Умбрихт и Эссер (Umbricht & Esser, 2014) в одной из немногих работ, содержащих эмпирические данные о долгосрочных изменениях, обнаружили, что в шести западных странах в период с 1960-х по 2000-е годы существенно укрепились традиции «объективной» журналистики. Также они выявили сходство в отношении того, насколько печатная пресса ориентирована на возможность выражения мнений. Здесь изменения шли в двух направлениях: в континентальной Европе стремление транслировать мнения снизилось, а в Соединенных Штатах и Великобритании возросло. По-видимому, именно постепенный переход к либеральной модели привел Брюггемана и его коллег (Brüggemann et al., 2014) к выводу о том, что Нидерланды, Бельгию и Португалию следует объединить с Соединенными Штатами и Ирландией. Сорок лет назад для Нидерландов в силу пилларизации была характерна особенно ярко выраженная форма политического параллелизма; сегодня же преимущественно коммерциализированные медиа этой страны демонстрируют значительное сокращение уровня политического параллелизма. Другие недавние исследования (Albæk et al., 2014; van Kempen, 2007) нередко выявляли относительно низкий уровень политического параллелизма в странах Северной Европы, хотя в свое время партийная пресса там была весьма сильна. И это тоже вполне подтверждает гипотезу о конвергенции медиасистем. Скандинавские исследователи (Strömbäck & Nord, 2008) часто говорят о «деполитизации» прессы

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

в своем регионе, хотя еще в 1970-х годах центральную роль здесь играла партийная печать. Так, Роллан при обсуждении поглощения норвежской газеты британской компанией отмечает, что «имеются неопровержимые доказательства того, что к тому времени, когда Месот вышла на норвежский рынок, уже произошли эндогенные изменения в направлении коммерциализации и профессионализации, которые Халлин и Манчини связывают с либеральной моделью» (Rolland, 2009, p. 274).

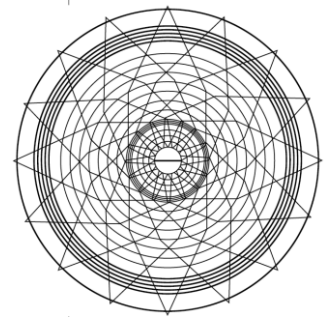
В то же время в ряде недавних исследований зафиксировано сохранение важных различий между западными медиасистемами. Нильсен (Nielsen, 2013) рассмотрел показатели структурных различий между медиасистемами (доход от газет и коммерческого телевидения на душу населения, проникновение Интернета и государственная поддержка общественных медиа) и не нашел доказательств того, что с 2000 по 2009 год шло какое-то сближение по этим показателям. Аалберг, ван Элст и Карран, изучив «политическую информационную среду» и, в частности, телепрограммы, освещающие новости и текущие события, за период с 1987 по 2007 год, обнаружили, что количество таких программ в часы пик в пяти европейских странах оставалось высоким, в отличие от США. «Что поразительно, – отмечают исследователи, – так это то, насколько сильно некоторые страны сопротивлялись тому, чтобы потребности демократии отошли на второй план в угоду извлечению прибыли» (Aalberg et al., 2010, p. 267). Многочисленные исследования также свидетельствуют, что высокий уровень политической ангажированности сохраняется в медиасистемах Южной Европы. Например, Альбек и его коллеги пишут, что различия в показателях политического параллелизма между Испанией (единственной поляризованной плюралистической страной в их выборке) и остальной Европой «по-видимому, увеличились» (Albaek et al., 2014, p. 173). Между тем Аллерн и Блах-Эрстен (Allern and Blach-Ørsten, 2011) утверждают, что исследования скандинавских медиасистем выявляют сложную модель, в которой что-то меняется, а что-то остается неизменным, при этом важные элементы прошлого, включая пережитки политического параллелизма, сохраняются, несмотря на признаки перехода к другой модели. Все цитируемые здесь работы, которые подтверждают наличие существенных различий между западными медиасистемами (либо согласующихся с нашими тремя моделями, либо отличающихся от них), очевидно, ставят под сомнение сильную версию гипотезы о сближении систем.

Существующий корпус исследований, посвященных конвергенции систем, имеет ряд ограничений. Сама гипотеза такой конвергенции касается изменений, происходящих с течением времени, и лишь немногие исследования основаны на изучении данных в динамике. Самые яркие исключения – это работы Умбрихта и Эссера (Umbricht & Esser, 2014), Олберга с коллегами (Aalberg et al., 2010) и Бенсона и Халлина (Benson & Hallin, 2007 г.). У Нильсена (Nielsen 2013) есть данные за 2000–2009 годы, но это слишком короткий временной период для оценки гипотезы о долгосрочных изменениях. Кроме того, существует множество переменных, которые не подвергались эмпирическому анализу применительно к

[Научные статьи]

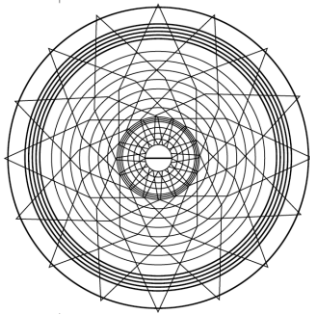
Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

большому числу кейсов, особенно в динамике. Например, Олберг и его коллеги (Aalberg et al., 2010) показывают, что с появлением коммерческого телевидения в Европе объем общественно-политического контента на телевидении не уменьшился. Возможно, это так. Но что произошло с формой и смысловым наполнением? Стал ли контент более драматизированным, более персонализированным, более ориентированным на журналистов, более наглядным, более развлекательным? Умбрихт и Эссер (Umbricht & Esser, 2016) приводят данные о некоторых из этих переменных для освещения политических событий в газетах шести стран, обнаруживая синхронные сдвиги в сторону персонализации, скандализации и популяризации во всех шести странах, но не в сторону сокращения различия между ними. Магин (Magin, 2015) приводит данные в динамике для немецких и австрийских газет. Однако по большей части у нас нет эмпирических данных об изменении контента европейского телевидения по такого рода параметрам, и с поиском сопоставимых выборок в динамике и в разных системах (например, с документами политических партий, которые в определенные периоды имели значимость, а в другие вообще отсутствовали) сопряжено множество методологических проблем.

На наш взгляд, глупо отрицать, что западные медиасистемы в значительной мере сближаются с либеральной моделью. Упадок партийной прессы, начавшийся в 1950-е годы и продолжавшийся на протяжении нескольких десятилетий, а также появление коммерческого телевидения коренным образом изменили структуру европейских медиасистем и были явно связаны с более тонкими изменениями в том, что касается практической работы журналиста. Очевидно, что эти трансформации повлияли на то, как в европейских медиасистемах соотносятся политическая логика, с одной стороны, и логика коммерческой и журналистской деятельности – с другой. Тем не менее, похоже, пора отказаться от сильной версии гипотезы о сближении медиасистем и идеи о том, что национальные различия между ними фактически исчезают. В то время, когда мы завершали работу над своей книгой, эта точка зрения существовала в литературе и в общественных дискуссиях, хотя и была сформулирована недостаточно точно. Вероятно, с нашей стороны было ошибкой обозначить ее как гипотезу, ведь мы вовсе не хотели, чтобы нас воспринимали как сторонников этого мнения. Мы писали: «Можно представить себе постепенный полный переход медиасистем США и европейских стран к либеральной модели. Однако ход истории обычно не прямолинеен, и есть много причин сомневаться в том, что имеет смысл проецировать характерную для последних двух десятилетий тенденцию к гомогенизации на далекое будущее» (Hallin & Mancini, 2004, pp. 282–283). Далее мы подвергли критическому анализу теорию модернизации, которая нам представлялась интеллектуальной основой однолинейной концепции изменения медиасистемы. К сегодняшнему дню накоплен большой объем исследований, фиксирующих сохранение значимых различий между западными медиасистемами, еще более широкий спектр различий за их пределами и сложные закономерности разнонаправленных изменений. Изучать влияние

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

коммерциализации и глобализации на медиасистемы важно, но, вероятно, уже нет необходимости развенчивать гипотезу о полном переходе к либеральной модели и пора перейти к более сложным гипотезам изменения медиасистем.

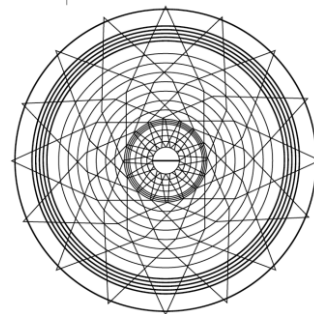
Онлайн-медиа

В дискуссиях о конвергенции и изменении медиасистем все чаще поднимается вопрос о влиянии Интернета, который не рассматривался в книге «Сравнивая медиасистемы». Количество сравнительных исследований по онлайн-медиа остается ограниченным, но начало работе в этой области положено. Есть несколько гипотез о том, как онлайн-медиа связаны с существующими изменениями медиасистем. Во-первых, онлайн-медиа могут стать движущей силой сближения медиасистем, задавая ориентацию на технологии, глобализованные модели экономики или культурные практики, которые нивелируют существующие национальные различия. Эту закономерность обнаружили Бочковский и его коллеги (Boczkowski et al., 2011) в исследовании о выборе онлайн-новостей. Во-вторых, можно было бы ожидать преемственности, в силу которой онлайн-медиа будут различаться в зависимости от системы, сформированной уже существующими структурами и практиками. Нечто подобное предполагают два недавних тематических исследования. Ваккари (Vaccari, 2011) утверждает, что новые медиа, в частности онлайн-петиции, могут усилить политический параллелизм в поляризованных плюралистических системах. Он рассматривает два итальянских кейса, связанные с газетой *La Repubblica* и с Микеле Санторо, известным журналистом, придерживающимся левых взглядов. Оба случая подтверждают, что новые медиа могут служить важным инструментом коллективных действий, тем самым усиливая политический параллелизм в итальянских новостных медиа Остертаг и Такман (Ostertag & Tuchman, 2012) в своем исследовании, посвященном *New Orleans Eye*, обнаружили, что эта организация, которая изначально возникла как платформа для ведения блогов за рамками стандартных установок американской журналистики, в конечном итоге попала под их сильное влияние. В обоих случаях авторы видят примеры создания гибридных форм медиа, обуславливающих определенную степень изменения медиасистем, но с выраженной преемственностью. В-третьих, существует возможность того, что новые медиа станут развиваться в различных медиасистемах по-разному, но без устойчивой связи с предыдущими моделями в зависимости от того, какие ниши будут свободны в существующей медиаэкологии. Например, Пауэрс и Бенсон (Powers & Benson 2014) обнаружили, что что онлайн-медиа были склонны усиливать внешний плюрализм в медиаконтенте США – в отличие от Дании или Франции – онлайн-медиа были склонны усиливать внешний плюрализм, и объяснили это тем, что в США онлайн-медиа национализировали рынок, в то время как в других странах он уже был национализирован. Бенсон с коллегами (Benson et al., 2012) обнаруживают сочетание этих трех видов отношений, которые можно было

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

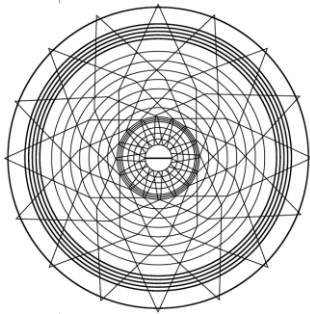

бы обозначить как детерминизм медиа, детерминизм непрерывной системы и детерминизм прерывистой системы, в различных измерениях сетевого контента.

Обсуждение

Со времени написания книги *«Сравнивая медиасистемы»* сфера сравнительного анализа медиасистем получила существенное развитие. Наиболее значительный прогресс был достигнут в разработке количественных показателей для ключевых переменных системного уровня, которые позволяют сравнивать и исследовать взаимосвязи в динамике, сопоставляя различные кейсы. По большей части результаты этих исследований совпадают с нашим анализом и могут рассматриваться как его подтверждение, даже если они дополняют или модифицируют его. Многие ученые также предлагают альтернативные взгляды на модели сходства или различия между кейсами, а также на то, какие переменные важны и как их следует рассматривать во взаимосвязи друг с другом. Вебер (Weber, 1949, p. 90) охарактеризовал идеальный тип как понятие, которое формируется за счет «одностороннего выделения одной или нескольких точек зрения и синтеза большого числа отдельных расплывчатых, дискретных явлений, которые могут присутствовать в той или иной мере, а могут и отсутствовать вовсе». Модели, предложенные в книге *«Сравнивая медиасистемы»*, как и любые идеальные типы, предусматривали фокус на взаимосвязях между конкретными наборами явлений. Как уже ранее подчеркивалось, мы не считаем, что любая переменная, которую исследователь может выбрать для рассмотрения, должна демонстрировать закономерности изменчивости, совпадающие с нашими тремя типами. И мы не сомневаемся, что исследования, опирающиеся на другие точки зрения, выявят закономерности, которые предполагают иную типологию или группировку рассматриваемых кейсов. Весьма вероятно, что многие из них будут иметь сходство с нашими, что подтверждают примеры Эссера и Умбрихта, Брюггеманна, Альбека и их коллег. Однако определенно нежелательно овецествлять наши три типа как нечто конкретное и предполагать, что они будут охватывать все устойчивые различия между западными медиасистемами или все важные взаимосвязи между переменными, которые представляют интерес для ученых, занимающихся сравнительными исследованиями.

Активные усилия по развитию количественных исследований западных медиасистем позволили добиться много, и мы очень довольны тем, в какой степени они включали операционализацию и проверку нашей аналитической структуры. В то же время нас беспокоит дисбаланс в недавних сравнительных исследованиях, в которых явно преобладают количественные методы, а другие подходы развиваются в гораздо меньшей степени. Мы подозреваем, что это связано с современной политэкономией научной сферы, сильным акцентом на финансируемых исследованиях, придерживающихся естественнонаучных моделей, и оценкой продуктивности исследований по частоте выпуска журнальных статей. Однако нам кажется, что существуют определенные

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

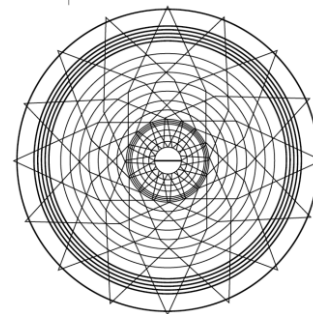
ограничения по созданию своего рода академической монокультуры в нашей области, и мы бы хотели, чтобы некоторые составляющие подхода, который лег в основу «Сравнивая медиасистемы», использовались гораздо шире, чем сейчас. Наша книга отличается целостным теоретическим видением и комплексным подходом к методологии. Кроме того, она имеет ретроспективный характер, поскольку в ней медиасистемы рассматриваются не в отдельные моменты своего функционирования, а по мере развития на протяжении длительных периодов времени. Это предполагало попытку обобщить результаты широкого ряда научных работ, подготовленных с использованием множества методов, рассматривающих большое число различных переменных и часто определяющих их по-разному. Такой подход подвергался критике, особенно ярким примером которой может служить высказывание Норрис (2009, стр. 334), назвавшей наш труд «неоднозначным, субъективным и ненаучным». В какой-то степени мы готовы признать, что наша книга в чем-то «неоднозначна» в силу того, что она была лишь первой попыткой анализа и для ключевых переменных было доступно так мало сопоставимых данных по разным кейсам. Но в определенной степени то, что Норрис считает неоднозначностью, на деле, напротив, объясняется стремлением учесть как можно больше релевантных исследований, тщательно отметить то, что мы знаем о различиях контекста, и попытаться представить медиасистемы во всей их сложности. И мы утверждаем, что на самом деле наш подход гораздо строже, чем те, в которых контекст и сложность ограничиваются.

Любое конкретное количественное исследование обязательно предполагает существенную долю абстракции: оно делает акцент на определенных кейсах, переменных и периодах времени, а другие оставляет без внимания, потому что получить количественные показатели для них слишком сложно. Оно особым образом операционализирует их и выносит за скобки многие потенциальные проблемы, связанные с сопоставимостью показателей в разных кейсах. В этом нет вины исследователей: именно так должны проводиться количественные исследования, и те ученые, которых мы упоминаем в данной статье, делают это по большей части весьма тщательно и осознанно. Тем не менее, мы должны понимать, что любое конкретное исследование дает лишь очень ограниченное представление об общей картине, и часто мы вновь возвращаемся к «неоднозначности», когда начинаем сравнивать их и видим, что при выборе другой методологии результаты могли бы оказаться иными. Приведем лишь один небольшой пример: в попытке операционализировать политический параллелизм ван Кемпен (van Kempen, 2007) счел, что в Дании его уровень достаточно высок, в то время как Альбек и его коллеги (Albaek et al., 2014, p. 85), используя другие показатели, оценивают уровень Дании как низкий. Опять же, это не отрицает значимость количественных исследований. Однако мы должны интерпретировать результаты с осторожностью и не спешить делать серьезные выводы на основании отдельных исследований. Кроме того, не следует сбрасывать со счетов и другие методы, даже если на первый взгляд они могут показаться «неоднозначными» по сравнению с количественными. Так, ситуационный анализ и

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

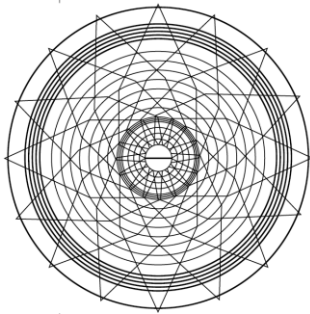
Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

полевые исследования зачастую чрезвычайно важны для понимания таких явлений, как практическая деятельность и повседневная работа журналиста, к которым количественные методы мало применимы. Именно ситуационный анализ и полевые исследования обеспечивают глубину знаний, необходимую для оценки достоверности количественных исследований разных типов. Ситуационный анализ позволяет восстановить хронологию процесса (George & Bennet, 2005), что нередко оказывается ключевым условием для установления причинно-следственных связей и перехода от выявления закономерностей к их объяснению.

Особенно важным нам кажется то, что комплексный подход, который представлен в книге «Сравнивая медиасистемы», в конечном счете имеет решающее значение для того, чтобы сбор результатов конкретных, более узконаправленных исследований (будь то количественных или каких бы то ни было еще) вообще имел смысл. Хамфрис (Humphreys, 2012) ратует за то, чтобы в сравнительных исследованиях СМИ и политики больше внимания уделялось «историческому институциональному» методу (тесно связанному со сравнительно-историческим подходом, описанным в Mahoney & Rueschemeyer, 2003), который сыграл центральную роль в развитии сравнительного анализа в социологии и политологии. И в этом вопросе мы согласны с доводами Хамфриса (см. также Bannerman & Haggart, 2015; Bastiansen, 2008).

Особое внимание к количественной операционализации в недавних исследованиях подразумевало, по выражению Альбека и его коллег, акцент на «стандартах, задающих принципы операционализации ключевых понятий», которые рассматриваются как «необходимое условие для перехода этой научной области к более кумулятивным знаниям» (Albaek et al., 2014, p. 182). Мы, безусловно, согласны с тем, что использование общих показателей в нескольких исследованиях может сыграть важную роль в развитии данной области. Такие меры, как недавний специальный выпуск журнала *Journalism*, посвященный стандартизации основных понятий (Esser, Strömbäck, & de Vreese, 2012), очень полезны, хотя, возможно, не столько для непосредственного установления стандартов операционализации, сколько для того, чтобы побудить исследователей к четкому осознанию того, как выбор методологии влияет на виды рассматриваемых вопросов и на сопоставимость с другими исследованиями. В то же время мы считаем целесообразным поделить здесь одним опасением. На наш взгляд, существует определенный риск того, что разработка показателей окажется оторвана от концептуального развития, которое опирается на более широкое изучение медиасистем, и что сами наши концепции могут стать чрезмерно узкими и упрощенными. Эта опасность возрастает, если рассматриваемые показатели разрабатываются в рамках изучения относительно небольшого числа европейских кейсов в надежде, что в дальнейшем их примут специалисты, занимающиеся изучением медиасистем в самых разных контекстах.

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

Эти методологические проблемы тесно связаны с теоретическими вопросами, касающимися природы «системы». Весьма велико искушение предположить (особенно когда ученые пытаются провести количественное исследование, включающее значительное число кейсов), что медиасистему можно представить одним значением какой-то одной заданной переменной³. Однако такое понимание природы системы в корне неверно (Hallin, 2015). Во-первых, системы неоднородны. Как показывает предыдущее обсуждение новых медиа, для разных элементов системы – например, разных секторов медиа – принципы их действия могут как минимум оказаться в чем-то различными, противоположными или противоборствующими. Говоря, что эти элементы являются частью системы, мы не имеем в виду, что все они действуют одинаково. Мы говорим о том, что они взаимодействуют таким образом, что их роли и характеристики невозможно понять без увязки с их местом в системе в целом. Некоторые из исследований, упомянутых здесь, действительно принимают во внимание такие различия. Например, де Вриз и его коллеги (de Vreese et al., 2016) систематически изучают различия между газетами, телевидением (коммерческим и государственным) и онлайн-медиа. Однако многие исследователи используют лишь единичные совокупные показатели.

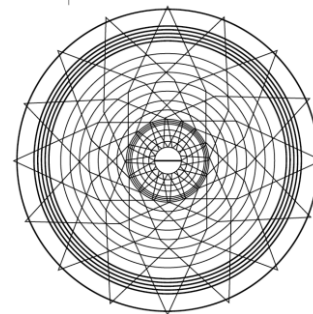
Помимо этого, медиасистемы не статичны. Они претерпевают долгосрочные изменения, и, как мы видели, многие современные исследования позволили сделать важные уточнения относительно природы некоторых из этих изменений. Но для них также характерно большое количество краткосрочных и среднесрочных внутренних различий. Так, журналисты не всегда действуют одинаково: в одной политической ситуации они могут действовать активнее или больше реагировать на различного рода источники, чем в другой. Система – это не объект с фиксированным набором характеристик, а образец *изменчивости*. де Вриз и его коллеги (de Vreese et al., 2016) утверждают, что для объяснения журналистской деятельности наряду с факторами системного уровня необходимо учитывать «событийную среду», с чем мы, безусловно, согласны. По этой причине, а также потому, что, как уже упоминалось, закономерности работы медиа – например, активное освещение политических событий или преподнесение информации в негативном ключе – могут быть обусловлены различными комбинациями характеристик медиасистемы, вовсе не обязательно ожидать, что мы обнаружим четкую, однозначную взаимосвязь между типами медиасистем и показателями медийной деятельности. Это также одна из причин значимости ситуационного анализа для более широкого сравнительного анализа как способ скорректировать исследования, которые пытаются охарактеризовать системы с помощью совокупных суммарных показателей, не учитывающих эту вариативность.

³ Примером тому можно считать предположение Дауни и его коллег (Downey et al., 2012) о том, что между стандартными представлениями о публичной сфере и типами медиасистем будет однозначное соответствие.

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

Наконец, основополагающим элементом теории систем является представление о том, что системы не сводимы к сумме их составляющих. Во введении к своей классической работе о «режимах благосостояния» Эспинг-Андерсен (Esping-Anderson, 1990, р. 3) отмечает, что «большинство исследований исходили из линейности мира: большего или меньшего объема власти, индустриализации или расходов». Далее он объясняет, почему, по его мнению, необходимо учитывать наличие различных типов, а не только их количество, и предупреждает, что «формирование и последующее развитие» этих типов «едва ли можно объяснить аналитической экономичностью». Эспинг-Андерсен, безусловно, широко использует прежде всего количественные данные (найти их при изучении государства всеобщего благосостояния легче, чем при изучении медиасистем). Однако его фундаментальные теоретические представления, по существу, строятся на концепции систем. Он рассматривает режимы государства всеобщего благосостояния как нередуцируемые модели, которые следует изучать во взаимосвязи и которые нельзя свести к линейным отношениям между дискретными переменными. Одним из важных элементов подхода Эспинг-Андерсена к пониманию этих закономерностей является стремление «увязать <...> объяснения с политической историей наций». Мы обеспокоены тем, что в нашей научной области подобный историко-социологический подход к науке, подразумевающий целостное понимание социальных формаций как исторически укоренившихся моделей отношений, развит мало и в результате успехи в количественных измерениях оказываются значительно выше, нежели качество теоретического анализа.

Заключение

С момента публикации книги «Сравнивая медиасистемы» прошло около 10 лет, и за это время сфера сравнительного анализа медиасистем кардинально изменилась. Появление большого числа исследований отчасти связано с резким увеличением объема финансирования сравнительных исследований в Европе, при этом за пределами Европы на сегодняшний день сделано относительно немного. Тем не менее, результаты проделанной работы впечатляют, и, вероятно, справедливо будет сказать, что большая часть систематических исследований в этой области была проведена за последние несколько лет. Значительный прогресс стоит отметить в разработке количественных показателей для ключевых понятий. Это дало возможность планомерно рассматривать сходства и различия между медиасистемами, изменения этих сходств и различий с течением времени и влияние переменных системного уровня на такие разнообразные явления, как политическое знание и возникновение медиатизированных скандалов. Область сравнительного анализа медиасистем сегодня гораздо более развита, чем в то время, когда мы начинали работу, поскольку труды более раннего периода становятся основной для новых исследований. В то же время, нам кажется, что некоторые важные элементы подхода, который была призвана закрепить книга «Сравнивая медиасистемы», в исследованиях последнего

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

десятилетия практически отсутствуют. Мы рассчитывали на большой методологический плюрализм и большее теоретическое осмысление самой сущности систем и их развития, а также способов, которые позволили бы объединить разнообразные результаты обсуждаемых здесь отдельных количественных исследований для более широкого понимания эволюции современных медиасистем.

БИБЛИОГРАФИЯ

Aalberg, T., van Aelst, P., Curran, J. (2010). Media systems and the political information environment: A cross-national comparison. *International Journal of Press-Politics*, 15(3), 255–271. <https://doi.org/10.1177/1940161210367422>

Albæk, E., van Dalen, A., Jebri, N., & de Vreese, C. H. (2014). *Political journalism in comparative perspective*. Cambridge University Press.

Allern, S., & Blach-Ørsten, M. (2011). The news media as a political institution: A Scandinavian perspective. *Journalism Studies*, 12(1), 92–105.

<https://doi.org/10.1080/1461670X.2010.511958>

Bannerman, S., & Haggart, B. (2015). Historical institutionalism in communication studies. *Communication Theory*, 25(1), 1–22. <https://doi.org/10.1111/comt.2015.25.issue-1>

Bastiansen, H. (2008). Media history and the study of media systems. *Media History*, 14(1), 95–112. <https://doi.org/10.1080/13688800701880432>

Baumgartner, F. R., & Bonafont, L. C. (2015). All news is bad news: Newspaper coverage of political parties in Spain. *Political Communication*, 32(2), 268–291. <https://doi.org/10.1080/10584609.2014.919974>

Benson, R., Blach-Ørsten, M., Powers, M., Willig, I., & Zembrano, S. V. (2012). Media systems online and off: Comparing the form of news in the United States, Denmark and France. *Journal of Communication*, 62, 21–38. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2011.01625.x>

Benson, R., Hallin, D. C. (2007). How states, markets and globalization shape the news: The French and U.S. national press, 1965-1997. *European Journal of Communication*, 22(1), 27–48. <https://doi.org/10.1177/0267323107073746>

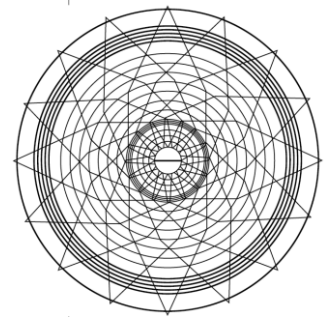
Boczkowski, P., Mitchelstein, E., & Walter, M. (2011). Convergence across divergence: Understanding the gap in the online news choices of journalists and consumers in Western Europe and Latin America. *Communication Research*, 38(3), 376–396. <https://doi.org/10.1177/0093650210384989>

Brüggemann, M., Engesser, S., Büchel, F., Humprecht, E., & Castro, L. (2014). Hallin and Mancini revisited: Four empirical types of Western media systems. *Journal of Communication*, 64(6), 1037–1065. <https://doi.org/10.1111/jcom.2014.64.issue-6>

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

Büchel, F., Humprech, E., Castro-Herrero, L., Engesser, S., Brüggemann, M. (2016). Building empirical typologies with QCA: Toward a classification of media systems. *International Journal of Press/Politics*, 21(2), 209–232.

<https://doi.org/10.1177/1940161215626567>

Chakravartty, P., Roy, S. (2013). Media pluralism redux: Towards new frameworks of comparative media studies “beyond the West.” *Political Communication*, 30(3), 349–370. <https://doi.org/10.1080/10584609.2012.737429>

Ciaglia, A. (2013). Politics in the media and the media in politics: A comparative study of the relationship between the media and political systems in three European countries. *European Journal of Communication*, 28(5), 541–555.

<https://doi.org/10.1177/0267323113494882>

de Albuquerque, A. (2013). Media/politics connections: Beyond political parallelism. *Media, Culture & Society*, 35(6), 742–758. <https://doi.org/10.1177/0163443713491302>

de Vreese, C., Esser, F., & Hopman, D. N. (2016). *Comparing political journalism*. Routledge.

Downey, J., Mihelj, S., & König, T. (2012). Comparing public spheres: Normative models and empirical measurements. *European Journal of Communication*, 27(4), 337–353. <https://doi.org/10.1177/0267323112459447>

Downey, J., Stanyer, J. (2010). Comparative media analysis: Why some fuzzy thinking may help: Applying fuzzy set qualitative comparative analysis to the personalization of mediated political communication. *European Journal of Communication*, 25(4), 331–347. <https://doi.org/10.1177/0267323110384256>

Downey, J. Stanyer, J. (2013). Exposing politicians’ peccadilloes in comparative context: Explaining the frequency of political sex scandals in eight democracies using fuzzy set qualitative comparative analysis. *Political Communication*, 30(3), 495–509. <https://doi.org/10.1080/10584609.2012.737434>

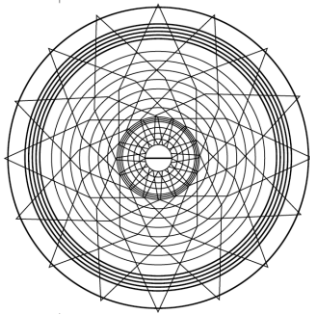
Esping-Anderson, G. (1990). Three worlds of welfare capitalism. *Polity*.

Esser, F., de Vreese, C. H., Strömbäck, J., van Aelst, P., Aalberg, T., Stanyer, J.,... Reinemann, C. (2012). Political information opportunities in Europe: A longitudinal and comparative study of thirteen television systems. *The International Journal of Press/Politics*, 17(3), 247–274. <https://doi.org/10.1177/1940161212442956>

Esser, F., Strömbäck, J., & de Vreese, C. H. (2012). Reviewing key concepts in research on political news journalism: Conceptualizations, operationalizations and propositions for future research. *Journalism*, 13(2), 139–143. <https://doi.org/10.1177/1464884911427795>

Esser, F., Umbricht, A. (2013). Competing models of journalism? Political affairs coverage in US, British, German, Swiss, French and Italian newspapers. *Journalism*, 14(8), 989–1007. <https://doi.org/10.1177/1464884913482551>

Fishman, R. M. (2011). Democratic practice after the revolution: The case of Portugal and beyond. *Politics & Society*, 39(2), 233–267. <https://doi.org/10.1177/0032329211405439>

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

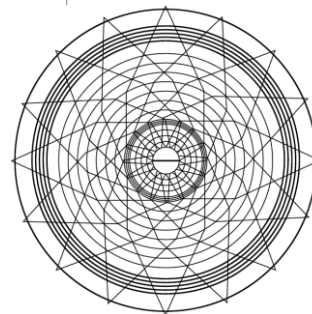
Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

- George, A., Bennet, A. (2005). Case studies and theory development in social sciences. MIT Press.
- Goldman, S., Mutz, D. (2011). The friendly media phenomenon: A cross-national analysis of cross-cutting exposure. *Political Communication*, 28(1), 42–66.
<https://doi.org/10.1080/10584609.2010.544280>
- Guerrero, M. A. (2014). The “captured liberal” model of media systems in Latin America. In M. Guerrero & M. Márquez-Ramírez (Eds.), *Media systems and communication policies in Latin America* (pp. 43–65). Palgrave Macmillan.
- Hallin, D. C. (2015). Media systems. In G. Mazzoleni (Ed.), *The Wiley-Blackwell international encyclopedia of political communication*. New York: Free Press.
- Hallin, D. C., & Mancini, P. (2004). *Comparing media systems: Three models of media and politics*. Cambridge University Press.
- Hallin, D. C., & Mancini, P. (2012a). Comparing media systems: A response to critics. In F. Esser, T. Hanitzsch (Eds.), *The handbook of comparative communication research* (pp. 207–220). Routledge.
- Hallin, D. C., & Mancini, P. (Eds.). (2012b). *Comparing media systems beyond the Western world*. Cambridge University Press.
- Humphreys, P. (2012). A political scientist’s contribution to the comparative study of media and politics in Europe: A response to Hallin and Mancini. In N. Just & M. Puppis (Eds.), *Trends in communication policy research: New theories, methods and subjects* (pp. 157–176). Intellect.
- Magin, M. (2015). Shades of mediatization: Components of media logic in German and Austrian elite newspapers (1949–2009). *The International Journal of Press/Politics*, 20(4), 415–437. <https://doi.org/10.1177/1940161215595944>
- Mahoney, J., & Rueschemeyer, D. (Eds.). (2003). *Comparative historical analysis in the social sciences*. Cambridge University Press.
- Nielsen, R. K. (2013). The absence of structural Americanization. *International Journal of Press/ Politics*, 18(4), 392–412. <https://doi.org/10.1177/1940161213502285>
- Norris, P. (2009). Comparative political communications: Common frameworks or Babelian confusion? *Government and Opposition*, 44(3), 321–340.
<https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2009.01290.x>
- Ostertag, S. F., Tuchman, G. (2012). When innovation meets legacy: Citizen journalists, ink reporters and television news. *Information, Communication & Society*, 15(6), 909–931. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.676057>
- Popescu, M., with Toka, G., Gosselin, T., & Pereira, J.S. (2011). *European Media Systems Survey 2010: Results and Documentation*. Colchester, UK: Department of Government, University of Essex.
- Powers, M., Benson, R. (2014). Is the Internet homogenizing or diversifying news? An analysis of leading newspapers in Denmark, France and the United States. *International Journal of Press/ Politics*, 19(2), 246–265. <https://doi.org/10.1177/1940161213519680>

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

Rantanen, T. (2013). A critique of the systems approaches in comparative media research: A Central and Eastern European perspective. *Global Media and Communication*, 9(3), 257–277. <https://doi.org/10.1177/1742766513504175>

Rolland, A. (2008). Reviewing social democratic corporatism: Differentiation theory and the Norwegian labour press. *Communication Review*, 11, 133–158. <https://doi.org/10.1080/10714420802068375>

Rolland, A. (2009). A clash of media systems? British Mecom's takeover of Norwegian Orkla Media. *International Communication Gazette*, 71(4), 263–281. <https://doi.org/10.1177/1748048509102181>

Roudakova, N. (2017). *Losing Pravda: Journalism and the crisis of truth-seeking in Russia*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316817117>

Stinchcombe, A. L. (1968). *Constructing social theories*. Harcourt, Brace & World.

Strömbäck, J., Luengo, O. (2008). Polarized pluralist and democratic corporatist models: A comparison of election news coverage in Sweden and Spain. *International Communication Gazette*, 70(6), 547–562.

Strömbäck, J., Nord, L. W. (2008). Media and politics in Sweden. In J. Strömbäck, M. Ørsten, & T. Aalberg (Eds.), *Communicating politics: Political communication in the Nordic countries* (pp. 103–121). Gothenberg, Sweden: University of Gothenberg.

Umbricht, A., Esser, F. (2014). Changing political news: Long-term trends in American, British, French, Italian, German and Swiss print media reporting. In R. Kuhn & R. K. Nielsen (Eds.), *Political journalism in transition: Western Europe in a comparative perspective*. I.B. Taurus.

Umbricht, A., Esser, F. (2016). The push to popularize politics: Understanding the audience-friendly packaging of political news in six media systems since the 1960s. *Journalism Studies*, 17(1), 100–121. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2014.963369>

Vaccari, C. (2011). The news media as networked political actors: How Italian media are reclaiming political ground by harnessing online participation. *Information, Communication & Society*, 14 (7), 981–997. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2011.572984>

van Kempen, H. (2007). Media-party parallelism and its effects: A cross-national comparative study. *Political Communication*, 24, 303–320. <https://doi.org/10.1080/10584600701471674>

Voltmer, K. (2013). *The media in transitional democracies*. Cambridge, UK: Polity.

Weber, M. (1949). *The methodology of the social sciences*. E. A. Shils and H. A. Finc, Tr. Free Press.

[Научные статьи]

Халлин Д. К., Манчини П.

Сравнивая медиасистемы: десять лет спустя. Что мы узнали?

TEN YEARS AFTER COMPARING MEDIA SYSTEMS: WHAT HAVE WE LEARNED?

Hallin D. C.

Ph.D., Professor at the University of California,
San Diego

(San Diego, USA)

dhallin@ucsd.edu

Mancini P.

Ph.D., Professor at the University of Perugia

(Perugia, Italy)

paolo.mancini@unipg.it

Abstract:

In this article we review research published since the publication of *Comparing Media Systems* which seeks to operationalize concepts discussed in that work and to test the framework proposed there or to put forward alternatives or revisions. We focus on works that deal with the original 18 countries covered in *Comparing Media Systems*, and consider the progress made in developing quantitative measures across these cases for key variables, research testing the grouping of cases in *Comparing Media Systems*, research extending the comparative analysis of Western media systems to new media, and research on convergence toward the Liberal Model. In the final section, we focus on limitations of the research produced during the 10 years following the publication of *Comparing Media Systems*, particularly the heavy emphasis on quantitative operationalization, and some of the difficulties in using quantitative analysis to investigate complex, dynamic systems.

Keywords: comparative analysis, convergence, media systems, QCA